

Ксения
СОБОЛЕВА

Фиктивная
ЖЕНА
для **БОССА**

РАЗВЕДЁНКА БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

Ксения Соболева

**Фиктивная жена для босса.
Разведёнка без иллюзий**

«Литнет»

2026

Соболева К.

Фиктивная жена для босса. Разведёнка без иллюзий /
К. Соболева — «Литнет», 2026

После двадцати одного года брака я больше не верю красивым обещаниям. Особенно если их даёт мужчина, привыкший получать всё по первому требованию. Когда мой начальник, Константин Вольский, просит подобрать ему жену ради важной сделки, я считаю его предложение очередной безумной деловой задачей. Пока он не решает, что лучшая кандидатура — я сама: взрослая, разведённая, разумная и, по его мнению, давно избавившаяся от романтических иллюзий. Я соглашусь стать его женой. Временно. По договору. С отдельными квартирами, независимыми финансами и правом уйти, когда закончится срок. Но Константин не предусмотрел одного: жена не обязана молчать, соглашаться и быть удобной. А я не предусмотрела, что мужчина, которого выбрала только ради сделки, однажды станет слишком важным. Теперь нам придётся понять, что страшнее: признать наш брак фиктивным или поверить, что чувства в нём давно стали настоящими.

Содержание

Глава 1. Подберите мне жену	5
Глава 2. Условия разведённой женщины	19
Глава 3. Невеста собственного начальника	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1. Подберите мне жену

Понедельник начался с чужих имён. Они лежали перед Ириной на длинном столе переговорной, напечатанные крупными чёрными буквами на плотных белых карточках, и каждое требовалось поставить точно туда, где человеку предстояло почувствовать себя важным, услышанным и хотя бы немного более значительным, чем он являлся на самом деле. Ирина передвинула табличку заместителя губернатора на одно место вправо, отделив его от директора фонда женщиной, с которой тот не успел посориться, а затем поменяла местами двух представителей банка. Один из них пил слишком много, когда нервничал, второй не умел скрывать скуку, и оставлять их рядом было всё равно что класть две сухие спички возле открытого огня и рассчитывать на хорошее воспитание.

За стеклянными стенами переговорной просыпался офис. В коридорах звенели чашки, шуршали пакеты с выпечкой, торопливо открывались ноутбуки, а люди, опоздавшие на десять минут, двигались с тем особенным выражением лица, какое бывает у человека, убеждённого, что его отсутствие совершенно незаметно. Сотрудники здоровались с Ириной, кивали, просили разрешить мелкие затруднения и оставляли их на краю стола вместе с папками, телефонами и надеждой, что к девяти часам она каким-нибудь образом исправит всё сразу.

Ирина исправляла. Делала это уже двенадцать лет, семь из которых работала рядом с Константином Вольским, и за это время научилась узнавать приближение неприятностей по таким незначительным признакам, что окружающие принимали её предусмотрительность за везение. Она знала, что заместителю губернатора нельзя подавать кофе до выступления, потому что от кофе у него начинали дрожать пальцы. Знала, что директор фонда обязательно спросит о сохранении старого корпуса, хотя никакого решения ещё не существовало. Знала, что Константин Андреевич не станет повышать голос, если будет зол по-настоящему, и именно поэтому особенно внимательно следила за теми моментами, когда его речь становилась безукоризненно спокойной.

Обычно по понедельникам он приезжал без четверти восемь, проводил сорок минут в кабинете один и только потом вызывал руководителей. Сегодня его машина появилась у входа в семь тридцать две, и уже через семь минут секретарь прислала Ирине короткое сообщение: «Константин Андреевич просит зайти. Сейчас».

Одно это слово выглядело подозрительно. Не «когда закончите», не «перед совещанием», не даже привычное «как сможете», которое на языке Константина означало ровно то же самое, что приказ явиться немедленно, только позволяло ему сохранять вид человека, уважающего чужое расписание. Сегодня он не стал тратить время на вежливые условности, а значит, неприятность уже произошла и теперь искала человека, на которого можно было возложить её устранение.

Ирина взяла планшет, хотя поручение наверняка не имело отношения к рассадке, поправила лацкан тёмно-синего жакета и вышла из переговорной. В отражении стеклянной стены на короткое мгновение появилась женщина с прямой спиной, собранными на затылке светлыми волосами и лицом, которое сотрудники называли спокойным, потому что не знали, сколько усилий иногда требовалось для этого спокойствия. Сорок четыре года не сделали её невидимой, как любил намекать бывший муж в последние месяцы брака, но научили отличать внимание от уважения и особенно хорошо — желание мужчины от его намерения остаться.

Кабинет Константина находился в конце коридора, за двумя стеклянными дверями, которые открывались бесшумно и потому всегда создавали ощущение, будто человек не входит, а оказывается внутри сразу, без предупреждения. Секретарь сидела за столом с чашкой остывающего чая и смотрела на монитор так сосредоточенно, словно от правильного выражения её лица зависела стоимость акций компании.

— Он один? — негромко спросила Ирина, остановившись возле стола и опуская планшет к бедру.

— Один, — ответила секретарь, быстро подняв глаза. Она поколебалась, после чего добавила ещё тише: — С утра уже дважды звонил Ланской. Константин Андреевич оба раза отказался разговаривать.

Это объясняло ранний приезд, но не срочность вызова. Виктор Ланской обладал редким даром появляться рядом с любой проблемой за несколько минут до того, как она становилась видна всем остальным, и ещё более редким умением убедить окружающих, будто проблема возникла именно потому, что его не послушали.

Ирина поблагодарила секретаря и постучала. Ответ прозвучал сразу, ровно и сухо, без привычного короткого ожидания, за которое Константин обычно успевал закрыть ненужный документ или убрать с лица человеческое выражение.

— Войдите, Ирина Викторовна, — произнёс он из-за двери, и в его голосе не было раздражения. Это означало, что раздражение уже успело перейти в ту холодную стадию, когда он начинал искать решение.

Константин стоял у окна спиной к кабинету. Высокий, широкоплечий, в тёмной рубашке без пиджака, он держал телефон в опущенной руке и смотрел на город, который с двадцать седьмого этажа казался аккуратным, плоским и вполне управляемым. Внизу тянулись машины, люди перебегали между светофорами, утренний свет отражался в мокрых крышах, а где-то за рекой медленно поднимался серый пар. С такой высоты невозможно было различить ни лиц, ни ошибок, ни тех последствий, которые всегда наступают после особенно уверенных решений.

— Вызывали? — спросила Ирина, закрывая за собой дверь и останавливаясь у стола для посетителей.

Константин не сразу обернулся. Он посмотрел на экран телефона, положил аппарат рядом с серебристой ручкой и только после этого встретился с ней взглядом.

— Подберите мне жену, — сказал он.

Ирина не ответила. За годы работы она слышала от него поручения разной степени странности: найти за ночь переводчика с редкого диалекта, устроить закрытый ужин для людей, которые отказывались находиться в одном помещении, перенести конференцию из города, где внезапно перекрыли аэропорт, и однажды даже достать к девяти утра старую фотографию здания, снесённого двадцать лет назад. Однако сегодняшняя просьба превосходила все предыдущие хотя бы потому, что Константин произнёс её тем же тоном, каким обычно требовал заменить поставщика воды.

— Простите? — переспросила она после короткой паузы. Ирина не была уверена, что ей действительно требуется повторение, но надеялась, что при втором произнесении фраза покажется ему столь же нелепой, какой была на самом деле.

— Мне нужна женщина, которая будет сопровождать меня на встречах с Ракитиными, — пояснил Константин, возвращаясь за стол и садясь в кресло. Он жестом указал Ирине на место напротив, словно речь наконец пошла о чём-то привычном и они могли перейти к обсуждению деталей. — Постоянная спутница. Не новая женщина на каждом мероприятии и не сотрудница пресс-службы, которую все узнают через пять минут.

Ирина села, положив планшет перед собой. Кресло было мягким, подлокотники — слишком широкими, а расстояние до стола рассчитано так, чтобы посетитель чувствовал себя удобно, но всё же немного ниже человека напротив. Кабинет Константина вообще был устроен с редкой заботой о чужом комфорте, которая почему-то всякий раз подчёркивала, кому именно здесь принадлежит власть.

— Если вам требуется сопровождение, Кира подготовит варианты, — произнесла Ирина, проводя пальцем по краю планшета. — Можно пригласить актрису, ведущую, специалиста

по светскому протоколу или женщину из вашего круга. Хотя последнее, подозреваю, будет сложнее: женщины из вашего круга слишком хорошо вас знают.

— Мне не нужна приглашённая спутница, — возразил Константин и переплёл пальцы на столе. Он говорил спокойно, но взгляд его оставался настороженным, словно он заранее ожидал сопротивления и уже приготовился считать его частью рабочего процесса. — Ракитины проверят всё, что сочтут нужным. Случайную женщину возле меня раскроют после первого ужина.

— В таком случае остаётся удивительно простой выход, — сказала Ирина, чуть склонив голову. — Не изображать отношения, которых у вас нет.

Константин посмотрел на неё дольше обычного. Другой сотрудник после такого ответа уже начал бы оправдываться или спешно объяснять, что всего лишь предлагает дополнительный вариант, но Ирина не отвела глаз. Она давно заметила: власть Константина держалась не только на деньгах и должности, но и на том, что люди сами заполняли его молчание собственным страхом.

— Простые выходы часто обходятся дороже сложных, — ответил он наконец. Константин откинулся на спинку кресла и добавил с той сдержанной досадой, которая у него заменяла признание проблемы: — Вчера Галина Сергеевна отказалась подтвердить загородную встречу. Сказала, что хочет ещё раз подумать, прежде чем знакомить меня с семьёй.

— Она имеет право подумать, — заметила Ирина. — Вы предлагаете им решение на несколько лет, а не новое меню для столовой.

— Она думает не о предложении.

Константин развернул к Ирине лежавший на столе планшет. На экране находилась фотография, которую она видела уже десятки раз. Ночной выход из ресторана, вспышки, чёрный автомобиль у бордюра и женщина в светлом пальто, державшая Константина под руку. Снимок был сделан в тот момент, когда она поскользнулась на ступеньке, а он удержал её за талию. В правильной заголовке этот жест превратился в доказательство тайного романа, а тот факт, что женщина была замужем, сделал историю особенно удобной для тех, кто предпочитал скандалы фактам.

— Этой публикации четыре месяца, — напомнила Ирина, не прикасаясь к планшету. — Вы уже объяснили, что после ужина провожали жену делового партнёра к машине.

— Я ничего не объяснял, — поправил её Константин. — Я сообщил, что публикация не соответствует действительности.

— Для прессы это разные вещи, — сказала Ирина, и уголок её рта едва заметно дрогнул. — Фраза «не соответствует действительности» звучит так, будто действительность существует, просто вы не намерены показывать её окружающим.

— Я не обязан отчитываться о личной жизни.

— Не обязаны, — согласилась она. — Но вы не можете одновременно отказываться говорить о личной жизни и возмущаться, что её придумали за вас.

Константин прикрыл глаза на короткое мгновение, будто это помогало ему не сказать что-нибудь лишнее. Он редко раздражался на Ирину открыто, потому что знал: если она спорит, то обычно уже успела заметить то, чего не заметил он. Это не делало её возражения менее неприятными, но заставляло выслушивать их до конца.

— Ланской использует эту историю, — произнёс он, снова посмотрев на неё. — Он уже несколько недель объясняет людям, что я не способен на долгие обязательства. Меняю партнёров, руководителей, женщин и планы, как только появляется более выгодный вариант.

— А вы не меняете? — спросила Ирина.

В кабинете стало тихо. Где-то за стеклом прошёл сотрудник, его размытый силуэт скользнул по стене и исчез. Константин медленно провёл большим пальцем по ободку часов, и этот жест выдал его лучше, чем резкий ответ.

— Меняю, если они перестают работать, — сказал он.

— Люди или планы?

— И то и другое.

Ирина кивнула. Вот теперь разговор наконец стал честным, пусть честность эта выглядела не слишком привлекательно.

— Тогда жена вам не поможет, — сказала она. — Плохой человек не становится надёжным только потому, что носит кольцо. Ненадёжный тоже. Можно быть женатым двадцать лет и каждое утро предавать человека за соседним столом, а можно жить одному и выполнять обещания лучше любого примерного семьянина.

Последние слова прозвучали спокойнее, чем она ожидала. Сергей не сидел за этим столом, не улыбался своей осторожной виноватой улыбкой и не объяснял, что всё произошло постепенно, почти без его участия. Однако воспоминание поднялось само собой: обручальное кольцо на его пальце, телефон экраном вниз, слишком частые вечерние совещания и уверенность мужчины, который всё ещё считал себя порядочным, потому что не ушёл сразу.

Константин не мог знать, о чём она подумала, но заметил короткое изменение в её лице. Он опустил взгляд, давая Ирине возможность вернуть привычное выражение, и это неожиданное проявление такта раздражило её сильнее, чем если бы он продолжил смотреть.

— Я не собираюсь доказывать порядочность, — произнёс он, когда пауза стала достаточно длинной. — Мне нужно показать постоянство. Ракитины принимают важные решения не только на совещаниях. Будут семейный ужин, благотворительный вечер, поездка за город. На таких встречах рядом с людьми находятся супруги.

— И отсутствие супруги делает вас подозрительным?

— Нет. Подозрительным меня делает сочетание отсутствия супруги, недавнего скандала и заботливо распространяемых слухов.

— А внезапная помолвка за три месяца до решающей встречи покажется совершенно естественной, — сказала Ирина. Она не стала скрывать иронию и положила ладони на планшет. — Особенно если женщина до этого ни разу не появлялась рядом с вами.

— Поэтому она появится заранее. Сначала помолвка, затем несколько мероприятий, потом регистрация.

Ирина смотрела на него и постепенно понимала, что Константин не проверяет идею, не рассуждает вслух и не приглашает её к обсуждению. Решение уже принято. Все слабые места, которые она называла, он воспринимал не как доказательство нелепости замысла, а как отдельные препятствия, которые следовало устранить.

— Вы действительно собираетесь жениться ради переговоров? — спросила она, уже не пытаясь смягчить вопрос.

— Ради переговоров я собираюсь создать обстоятельства, в которых меня будут оценивать по решениям, а не по чужим публикациям, — ответил Константин. Он чуть подался вперёд и добавил с раздражающей рассудительностью: — Брак будет настоящим. Условия — заранее согласованными. Никто никого не обманывает.

— Кроме Ракитиных.

— Я не обещаю им любовь.

— Вы собираетесь показывать её.

— Я собираюсь показывать устойчивые отношения.

Ирина медленно выдохнула. Мужчины удивительно любили заменять неприятные слова более удобными, словно смысл менялся вместе с формулировкой. Измена превращалась в кризис брака, трусость — в необходимость подумать, ложь — в создание правильного впечатления. Теперь притворная семья становилась устойчивыми отношениями, и при достаточном количестве совещаний, вероятно, могла бы войти в годовой отчёт.

— Женщина должна будет знать, что после завершения переговоров вы разведётесь? — спросила Ирина.

— Разумеется.

— И согласиться прожить несколько месяцев под чужими взглядами, отвечать на вопросы, изображать чувства, терпеть обсуждение своей внешности и прошлого, а затем спокойно исчезнуть?

— Она получит достойное вознаграждение.

Константин произнёс это без высокомерия, просто как человек, привыкший, что стоимость можно определить почти для любого неудобства. Ирина посмотрела на его руки: сильные, ухоженные, с едва заметным шрамом у основания большого пальца. Эти руки подписывали контракты, останавливали переговоры, одним движением отодвигали неудачные предложения и, вероятно, никогда не держали конверт с последними семейными накоплениями, разделёнными после развода на две слишком маленькие части.

— Вы понимаете, насколько унизительно звучит ваше предложение? — спросила она. — Не для меня. Для женщины, которую я должна буду найти.

— Почему унизительно? — Константин нахмурился, и в его вопросе не было притворства. Он действительно не понимал.

— Потому что вы хотите купить не время и не сопровождение. Вам нужна чужая способность выглядеть любящей. Женщина должна будет смотреть на вас так, будто знает, каким вы просыпаетесь утром, помнить, что вы не любите корицу, прикасаться к вам перед людьми и позволять им считать, что вы выбрали именно её. Потом срок закончится, и она должна будет уйти без претензий, потому что заранее получила деньги.

— Если условия известны заранее, унижения нет.

— Иногда знание цены не делает продажу менее унизительной.

Константин замолчал. Он не отвёл взгляда, не откинулся в кресле и не стал спорить сразу, но по тому, как напряглась линия его рта, Ирина поняла: фраза попала точнее, чем он хотел показать.

— Вы считаете, что такая женщина не найдётся? — спросил он после паузы.

— Найдётся, — ответила Ирина. — Найти можно кого угодно. Вопрос лишь в том, сколько неприятностей вы получите вместе с ней.

— Тогда подберите кандидатов и оцените риски.

Он произнёс это так просто, что Ирина едва не рассмеялась. Разговор прошёл полный круг и вернулся к первоначальному поручению, только теперь ей предстояло не просто найти жену начальнику, а ещё и доказать ему на практике, почему эта идея способна разрушить гораздо больше, чем исправить.

— Какие требования? — спросила она, открывая заметки на планшете. Если Константин хотел превратить безумие в рабочую задачу, она хотя бы заставит его услышать, как именно оно звучит в виде списка.

— Образование, спокойный характер, умение вести себя на официальных и семейных мероприятиях, — начал он, загибая пальцы. — Никакого стремления к известности. Отсутствие скандального прошлого. Она должна понимать деловую среду, поддерживать разговор и не задавать лишних вопросов.

— Последний пункт относится к образованию или к характеру?

— К здравому смыслу.

— Понимаю, — произнесла Ирина, записывая. — Желательно, чтобы кандидатка умела читать мысли и заранее соглашалась с вашими.

Константин проигнорировал замечание, хотя в его глазах мелькнуло короткое раздражение.

— Она не должна быть слишком молодой, — продолжил он. — Разница в возрасте привлечёт лишнее внимание и только поддержит прежнюю историю. Нужна взрослая женщина, способная воспринимать соглашение без романтических ожиданий.

Ирина перестала записывать. Константин ещё несколько секунд смотрел на неё, не замечая перемены, а затем всё же понял, как прозвучали его слова.

— Я говорю о зрелости, — уточнил он.

— Конечно, — ответила Ирина. — После определённого возраста у женщин исчезают не только иллюзии, но и любые чувства. Остаются выдержка, удобство и способность читать договоры.

— Я не это имел в виду.

— Вы пока говорите не обо мне, Константин Андреевич. Не торопитесь оправдываться. Он снова замолчал. Ирина отметила последний пункт, выключила экран и поднялась.

— К какому сроку вам нужны варианты? — спросила она, беря планшет со стола.

— Сегодня вечером.

— Разумеется. Зачем давать человеку время на размышления, если можно заменить его количеством кандидаток?

Константин тоже встал. Он был выше Ирины почти на голову, и в другом разговоре это могло бы создать ощущение давления, но сейчас между ними стоял широкий стол. Она подумала, что Константин вообще любил правильные расстояния: достаточно близкие, чтобы управлять разговором, и достаточно большие, чтобы чужие эмоции не коснулись его случайно.

— Ирина Викторовна, — произнёс он уже мягче, — я не прошу вас одобрять решение. Мне нужна ваша помощь в его исполнении.

— Вы всегда просите именно это, — ответила она. — Исполнить решение, которое уже принято, а затем незаметно исправить то, чего вы не учли.

Константин слегка прищурился. На его лице не возникло ни улыбки, ни раздражения, но Ирина почувствовала, что он услышал больше, чем она собиралась сказать.

— До вечера, — произнёс он.

— До вечера, — повторила Ирина и вышла из кабинета.

За стеклянной дверью воздух показался прохладнее. Секретарь подняла голову, пытаясь понять по лицу Ирины, насколько тяжёлым оказалось поручение, но та лишь кивнула и направилась обратно к переговорной. В коридоре уже пахло свежим кофе, разогретой выпечкой и духами людей, торопливо собиравшихся на совещание. Офис продолжал жить так, словно его руководитель не поручил только что одной сотруднице найти женщину, готовую стать временной женой ради деловой репутации.

Ирина вернулась к карточкам с именами. Заместитель губернатора всё ещё сидел рядом с женщиной, которую не успел оскорбить, директор фонда был отделён от человека, способного испортить ему утро, а Константину предназначалось центральное место во главе стола. Перед его креслом лежала табличка с именем, которое открывало двери, останавливало споры и заставляло людей ждать ответа.

Ирина взяла эту карточку и на мгновение задержала в руке. Двенадцать лет она расставляла чужие имена так, чтобы их владельцам было удобно принимать решения. Собственное имя на подобных столах появлялось только в списках организаторов, напечатанных мелким шрифтом в самом конце.

Она вернула карточку на место. Сейчас было не время думать о несправедливости, которую она сама так долго считала нормальным порядком вещей.

Совещание прошло без происшествий, что означало всего лишь: Ирина предотвратила их до начала. Заместителю губернатора подали воду вместо кофе, директор фонда получил слово раньше, чем успел обидеться, а Константин вовремя отказался от слишком жёсткой формулировки, которую она заменила в его заметках пять минут до встречи. После окончания люди

пожимали друг другу руки и благодарили Константина за продуктивный разговор. Ирина стояла возле стены, собирала взглядом забытые телефоны и отмечала, кому потребуется отправить дополнительные материалы.

Никто не поблагодарил её. Это тоже считалось признаком хорошо выполненной работы: если мероприятие прошло идеально, окружающие были уверены, что всё получилось само собой.

Кира Белова появилась в кабинете Ирины ближе к полудню. Она вошла без стука, держа в одной руке ноутбук, в другой — бумажный стакан с кофе, и толкнула дверь бедром. Кира была младше Ирины на двенадцать лет, носила короткие тёмные волосы, яркие серьги и обладала редкой способностью выглядеть расслабленной даже во время кризиса, если кризис ещё не успел стать публичным.

— Скажи, что это шутка, — произнесла она, поставив кофе на край стола. Кира не села, а осталась стоять напротив, прижимая ноутбук к груди. — Скажи, что Константин Андреевич решил проверить нашу лояльность или снимает скрытой камерой новый корпоративный ролик.

— Он хочет жениться, — ответила Ирина, открывая присланный Киной список возможных кандидатов. — Временно, честно и с достойным вознаграждением. Именно так теперь выглядит романтика ответственного бизнеса.

Кира поставила ноутбук рядом с кофе и опустилась в кресло.

— Я поговорила с ним после тебя, — сказала она, проводя ладонью по волосам. — Пыталась объяснить, что публикация о внезапной помолвке вызовет не меньше вопросов. Он спросил, сколько дней потребуется, чтобы подготовить правильное объяснение.

— Ты сказала, что правильного объяснения нет?

— Я сказала, что могу подготовить убедительное. Это не одно и то же.

Ирина кивнула. Кира понимала разницу между правдой и удачно подобранной формулировкой не хуже Константина, но в отличие от него иногда испытывала по этому поводу неловкость.

На экране находилось восемь анкет. Женщины были разными: телеведущая тридцати восьми лет, хозяйка небольшой галереи, преподаватель делового этикета, вдова предпринимателя, две актрисы, консультант по культурным проектам и бывшая дипломатическая сотрудница. Ни одна не выглядела глупой, отчаявшейся или настолько жадной, чтобы её согласие можно было считать гарантированным.

— Откуда список? — спросила Ирина, прокручивая фотографии.

— Половину предложило агентство, половину я нашла сама, — ответила Кира. Она наклонилась к экрану и указала на женщину в сером костюме. — Елена Корнеева, сорок один год. Ведёт благотворительный фонд, дважды была замужем, умеет держаться перед камерой. Но её бывший муж сейчас судится с ней из-за имущества, и через неделю пресса будет обсуждать уже не отношения Вольского, а стоимость её квартиры.

Ирина открыла следующую анкету.

— Марина Юдина, преподаватель этикета, — прочитала она. — Слишком правильная.

— Почему?

— Она будет поправлять его за столом.

Кира посмотрела на неё, а затем тихо рассмеялась.

— Я бы заплатила, чтобы увидеть это.

— Константин тоже заплатит, только не ей, а человеку, который заставит её замолчать.

Следующей была Ольга Ветрова, владелица галереи. Она подходила по возрасту, образованию и кругу общения, но несколько лет назад открыто критиковала один из проектов «Северного контура» и вряд ли согласилась бы изображать любовь к его владельцу.

— Эта могла бы быть убедительной, — сказала Кира, рассматривая фотографию. — Она хотя бы умеет спорить с ним без страха.

— Именно поэтому не согласится.

— А если сумма будет действительно хорошей?

Ирина посмотрела на Киру.

— Ты удивительно быстро переняла его взгляд на человеческую природу.

— Работа обязывает, — вздохнула та и отпила кофе. — Но я всё равно не понимаю главного. Даже если женщина согласится, как мы объясним, почему никто не видел их вместе раньше?

— Скажем, что отношения скрывали.

— Почему?

— Из-за её осторожности после прежнего брака.

— Это уже звучит как история.

— Это звучит как удобное использование чужой травмы, — поправила Ирина. — Константин хочет взрослую разведённую женщину не только потому, что она не станет ждать любви. Её развод можно будет превратить в объяснение любой неловкости.

Кира перестала улыбаться. Она знала историю Ирины не полностью, но достаточно, чтобы понять, почему последние слова прозвучали холоднее предыдущих.

— Ты говорила с Лерой? — спросила она осторожно.

— О чём? О том, что мой начальник попросил найти временную жену? Пока не вижу причин портить дочери понедельник.

— Сергей бы согласился, что идея ужасная.

Имя бывшего мужа возникло в кабинете так неожиданно, что Ирина почти физически ощутила его присутствие. Сергей всегда появлялся именно в те моменты, когда никто не просил его мнения, и даже после развода каким-то образом сохранял эту способность.

— Сергей согласился бы, что любая идея без его участия ужасна, — ответила Ирина и открыла следующую анкету. — Давай вернёмся к женщинам, которые ещё не знают, что их собираются пригласить на собеседование на должность супруги.

Они работали почти два часа. Кира звонила агентству, уточняла доступность кандидаток и пыталась сформулировать приглашение так, чтобы женщина не бросила трубку после первых трёх предложений. Ирина читала анкеты, вспоминала общих знакомых, отбрасывала слишком публичных, слишком молодых, слишком тесно связанных с конкурентами и тех, чья жизнь могла пострадать сильнее, чем предусматривала любая компенсация.

Проблема становилась яснее с каждой новой кандидатурой. Женщину можно было одеть, подготовить к вопросам, познакомить с привычками Константина и научить держать его под руку нужным образом. Невозможно было вложить в неё годы мелочей, которые люди замечают даже тогда, когда не способны объяснить, что именно показалось им неправильным.

Настоящая жена знает, когда мужчина устал, прежде чем он сам признает это. Она не спрашивает, что ему принести, а без слов отодвигает чашку, к которой он всё равно не прикоснётся. Она понимает, когда его молчание означает раздражение, а когда — страх. Она замечает чужую боль не потому, что выучила список признаков, а потому что слишком долго жила рядом.

Ирина знала это не только по работе. Двадцать один год она знала Сергея лучше, чем он знал себя, и именно поэтому дольше всех не замечала, что перестала знать главное.

— Допустим, мы выберем Елену, — сказала Кира, возвращая Ирину к разговору. — За неделю она выучит факты: любимый ресторан, марку часов, имя водителя, привычки, пару историй. Этого хватит для журналистов.

— Для журналистов — возможно. Для Галины Сергеевны — нет.

— Почему?

— Потому что она не будет спрашивать марку часов. Она спросит, как Константин ведёт себя, когда болеет, и женщина начнёт вспоминать подготовленный ответ. Или заметит, что он

подаёт ей пальто как чужому человеку. Или увидит, что они оба ждут сигнала перед каждым прикосновением.

Кира медленно закрыла ноутбук.

— Значит, убедительно сыграть это может только женщина, которая давно находится рядом с ним.

Ирина откинулась на спинку кресла. За окном серый понедельник постепенно становился тёмным. На стекле появились первые капли дождя, медленные и прозрачные, они ползли вниз, соединялись друг с другом и оставляли за собой кривые следы.

— Именно, — сказала она.

— Секретарь?

— Замужем, двое детей, муж работает в банке Ракитиных. Даже Константин не станет устраивать такой пожар.

— Кира из пресс-службы? — спросила Кира и указала на себя с преувеличенно задумчивым видом.

— Слишком молодая, слишком заметная и слишком хорошо понимает, что это плохая идея.

— Последнее особенно мешает карьере.

— Ты ещё и знаешь его недостаточно.

Кира приподняла брови.

— Я работаю с ним пять лет.

— Ты знаешь, как он выглядит для публики. Это не одно и то же.

— А кто знает больше?

Вопрос прозвучал буднично, почти без намерения. Ирина посмотрела на неё, но Кира уже открыла ноутбук и снова просматривала список. Возможно, она ничего не имела в виду. Возможно, имела, но решила оставить мысль там, где она возникла.

— Никто, — ответила Ирина. — В этом и заключается проблема.

К пяти часам список сократился до трёх женщин. Ни одна не подходила по-настоящему, но каждая могла пройти первые публичные появления при хорошем сценарии и некотором везении. Ирина подготовила короткие заключения, отдельно указала риски и отправила документ Константину. Через две минуты пришёл ответ: «Зайдите».

Он не написал «когда сможете». За день его отношение к вежливым условностям не улучшилось.

Кира поднялась вместе с Ириной, но та остановила её движением руки.

— Я сама.

— Уверена? — спросила Кира, закрывая ноутбук. — У меня есть ещё десять способов объяснить ему, почему это не работает.

— У меня одиннадцать. Он всё равно спросит не об этом.

— О чём?

Ирина взяла планшет.

— О том, кого из трёх можно поставить рядом с ним так, чтобы окружающие не заметили пустоту между ними.

Кира посмотрела на неё внимательнее, чем прежде, но не стала отвечать. Она пожелала удачи и вышла первой.

Кабинет Константина к вечеру изменился. Дневной свет исчез, стеклянные стены превратились в тёмные зеркала, город за окном рассыпался огнями, а лампа над столом оставляла лицо хозяина наполовину в тени. Пиджак висел на спинке кресла, верхняя пуговица рубашки была расстёгнута, и впервые за день Константин выглядел не раздражённым руководителем, а человеком, который слишком долго пытался решить одну задачу и не получил желаемого ответа.

— Три кандидатуры, — сказала Ирина, садясь напротив. — Все предварительные. До разговора с ними нельзя считать, что кто-то согласится.

Константин открыл документ и быстро просмотрел первую страницу.

— Корнеева слишком тесно связана с фондом Руднева.

— Это указано в рисках.

— Юдина преподаёт этикет?

— Да.

— Нет.

— Я пришла к тому же выводу. Она будет поправлять вас за столом.

Константин поднял взгляд. Несколько секунд он смотрел совершенно серьёзно, затем уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Это единственная причина?

— Нет, но самая опасная для брака.

Он продолжил читать. Ирина наблюдала за его лицом и постепенно убеждалась: ни одна кандидатура его не устраивала. Константин не произносил этого, не делал замечаний и не отбрасывал планшет, но каждый раз задерживал взгляд на фотографии чуть дольше, чем на описании, словно пытался представить женщину рядом с собой и не видел ничего убедительного.

— Ветрова открыто критиковала компанию, — сказал он, дойдя до третьей анкеты.

— Зато рядом с вами её недовольство будет выглядеть естественно.

— Вы считаете это преимуществом?

— Для достоверности — да. Счастливые женщины не обязаны смотреть на мужей с восторгом каждую минуту. Иногда убедительнее выглядит желание ударить их салфеткой.

Константин отложил планшет.

— Ни одна не подходит.

— Я предупреждала утром.

— Вы предупреждали, что задача сложная.

— Я сказала, что идея плохая. Это несколько иное.

Он поднялся и подошёл к окну. В тёмном стекле отражались кабинет, стол и Ирина, сидевшая напротив пустого кресла. На мгновение Константин оказался одновременно перед ней и позади неё, настоящий и отражённый, и оба выглядели одинаково сосредоточенными.

— Можно подготовить любую из них, — сказал он. — Вопросы, привычки, общую историю.

— Факты подготовить можно.

— А что нельзя?

Ирина подумала, прежде чем ответить. День был длинным, раздражение притупилось, оставив после себя усталую ясность.

— Реакции, — сказала она. — Нельзя выучить, как именно человек смотрит на вас, когда вы начинаете говорить слишком резко. Нельзя за несколько недель привыкнуть к вашему молчанию. Нельзя неосознанно подвинуть вам воду до того, как вы попросите. Нельзя помнить, что вы ненавидите запах корицы, потому что в детстве вас заставляли пить лекарство с корицей, а не потому, что это написано в справке.

Константин медленно повернулся.

— Откуда вы знаете про лекарство?

— Вы однажды отказались заходить в переговорную, пока там горела ароматическая свеча. Я спросила у Михаила Петровича.

— Это было шесть лет назад.

— Я помню.

Он смотрел на неё так, словно ответ открыл нечто большее, чем старую неприязнь к запаху. Ирина почувствовала неловкость, хотя ничего личного в её памяти не было. Она просто выполняла работу. Запоминала то, что помогало предотвращать проблемы, и не считала эту способность чем-то особенным до тех пор, пока мужчины рядом не начинали пользоваться ею как естественным удобством.

— Ракитины заметят, что женщина ждёт подсказки, — продолжила Ирина, возвращая разговор к безопасной теме. — Они увидят, что вы не знаете, как к ней прикоснуться. Галина Сергеевна спросит о каком-нибудь пустяке, и оба начнут вспоминать правильный ответ. Можно найти прекрасную спутницу, Константин Андреевич. Нельзя создать общую жизнь за несколько недель.

Он вернулся к столу, но не сел. Опёрся ладонями о край и посмотрел на три фотографии, лежавшие на экране.

— Значит, нужна женщина, с которой у меня уже есть общая история.

— Нужна женщина, которая давно находится рядом и знает вас не по газетным публикациям.

— Спокойная.

— Желательно.

— Образованная.

— Без этого разговоры с Ракитиными станут мучительными для всех.

— Не стремящаяся к публичности.

— Разумное требование.

— Достаточно взрослая, чтобы понимать условия и не ждать от меня того, чего я не обещал.

Ирина почувствовала, как внутри поднимается уже знакомое раздражение. Он снова произнёс это слово — взрослая — таким образом, будто зрелость была не опытом, а прививкой от надежды.

— И где вы предлагаете найти такую женщину? — спросила она.

Константин не ответил сразу. Его взгляд медленно поднялся от планшета к её рукам, лежавшим на коленях, затем к лицу. Он смотрел долго, без привычной деловой рассеянности, и впервые за весь день Ирина почувствовала себя не сотрудницей, которая принесла неудачный список, а предметом оценки.

Ощущение оказалось неприятным. Не потому, что Константин был мужчиной, способным заставить женщину заметить свой взгляд, а потому, что она слишком хорошо знала, как он принимал решения. Сначала наблюдал, потом отбрасывал лишнее, сравнивал возможные последствия и лишь затем произносил то, что уже считал окончательным.

— Подходящая женщина всё это время находилась передо мной, — сказал он.

Ирина не шевельнулась. Город за окном продолжал сиять, кондиционер тихо выталкивал прохладный воздух, а где-то далеко в коридоре рассмеялись сотрудники, которым ещё не сообщили, что их руководитель наконец нашёл себе жену.

— Нет, — ответила она.

Константин чуть нахмурился.

— Я ещё не сделал предложение.

— Сделали. Просто пока не закончили фразу.

Он выпрямился. Ирина увидела, как его пальцы оторвались от края стола и медленно сжались, будто Константин действительно рассчитывал сохранить контроль хотя бы над порядком слов.

— Вы знаете меня семь лет, — произнёс он. — Знаете мою работу, привычки, окружение. Умеете вести разговор, не теряетесь перед людьми и способны возражать без сцен.

— Как лестно.

— Вы не склонны к публичности, не станете обсуждать соглашение с посторонними и понимаете цену репутации.

— Моей или вашей?

— Обоих.

Ирина поднялась. Сидеть дальше было невозможно: кресло внезапно стало слишком мягким, кабинет — слишком тёплым, а расстояние между ними — недостаточным.

— Вы предлагаете мне стать вашей женой? — спросила она.

— Временно, — уточнил Константин, будто именно это слово должно было сделать предложение приемлемым. — Сначала объявить о помолвке, затем зарегистрировать брак. После завершения переговоров мы сможем развестись без публичного конфликта.

— Мы?

— Вы получите отдельное соглашение, полную защиту ваших интересов и вознаграждение.

— Вознаграждение, — повторила Ирина.

Слово легло между ними тяжёлым металлическим предметом. Константин услышал её интонацию, но не отступил.

— Я понимаю, что прошу о серьёзном участии.

— Нет, — сказала она. — Вы понимаете, что серьёзное участие стоит дороже обычного.

— Это не одно и то же?

— Для вас, вероятно, одно.

Константин обошёл стол. Он не приблизился слишком сильно, остановился на расстоянии нескольких шагов, но теперь между ними не было мебели, способной превратить разговор в обычное рабочее обсуждение.

— Ирина Викторовна, я не предлагаю вам унижительную роль, — произнёс он, и голос его стал тише. — Вы будете знать все условия заранее. Никто не станет пользоваться вашими чувствами или обещать то, чего не собирается дать.

— Какая предусмотрительность. Особенно приятно заранее узнать, что никаких чувств в соглашении не предусмотрено.

— Вы понимаете, что я имею в виду.

— Боюсь, понимаю слишком хорошо.

Он провёл ладонью по подбородку, впервые за разговор обнаруживая неуверенность. Константин мог спорить о деньгах, сроках, власти и последствиях, но плохо чувствовал себя там, где слова переставали иметь точную стоимость.

— Я выбрал вас не потому, что считаю неспособной к чувствам, — сказал он. — Вы разумная, взрослая женщина. Вы пережили развод и не станете строить романтические иллюзии вокруг временного соглашения.

Последняя фраза прозвучала почти мягко. Возможно, Константин действительно намеревался сделать комплимент её зрелости, выдержке и способности различать реальность, но слова достигли Ирины уже в другом виде.

Она услышала Сергея. Не его голос целиком, а ту усталую интонацию, с которой он однажды сказал: «Ты же взрослая женщина, Ира. Ты поймёшь». Тогда за этой фразой последовали признание в измене, просьба не устраивать сцену и объяснение, что молодая женщина не лучше её, просто рядом с ней он снова чувствует себя живым.

Взрослая женщина должна была понять. Разведённая — не питать иллюзий. Сильная — пережить. Удобная — не потребовать слишком многого.

Ирина посмотрела на Константина. Он ещё не понял, куда попал, но уже видел, что ошибся.

— Вы считаете, что в сорок четыре года женщина перестаёт что-либо чувствовать? — спросила она.

— Нет, — ответил он слишком быстро. Константин сделал шаг к ней, но остановился, заметив, как она выпрямилась. — Я говорю о способности отделять чувства от договорённостей.

— Мужчины удивительно часто восхищаются этой способностью в женщинах, когда собираются сделать им больно.

— Я не собираюсь причинять вам боль.

— Конечно. Вы просто заранее решили, что причинять нечему.

— Это несправедливо.

— Возможно, — согласилась Ирина. — Но вы сами выбрали слова.

Константин замолчал. Его лицо стало неподвижным, однако в глазах впервые появилось не раздражение, а понимание того, что привычный способ разговора не работает. Он мог приказать, предложить деньги, обещать защиту, перечислить преимущества, но не имел ни одного аргумента против простой правды: он выбрал Ирину именно потому, что счёл её безопасной для себя.

Она знала его, не требовала внимания, не пыталась стать ближе и никогда не позволяла эмоциям мешать работе. Семь лет находилась рядом, исправляла ошибки, помнила привычки и уходила домой, не ожидая, что он заметит её отсутствие.

Ирина медленно взяла планшет со стола. Пальцы не дрожали, голос тоже оставался спокойным, и только кольца на правой руке вдруг стали тесными, словно кровь слишком быстро прилила к ладоням.

— Я не дам вам ответа сегодня, — сказала она.

— Я не требую немедленного ответа.

— Утром вы требовали найти жену к вечеру.

— Это было до того, как я понял, кого должен попросить.

— Попросить, — повторила Ирина. — Интересный выбор слова.

Константин посмотрел прямо на неё.

— Хорошо. Я прошу вас рассмотреть предложение.

— А если откажусь?

— Тогда мы вернёмся к списку.

— Я спрашиваю не об этом.

Он понял. Ирина увидела это по короткому напряжению плеч и по тому, как взгляд Константина на мгновение ушёл в сторону. Вопрос был простым, но ответ на него показывал, является ли предложение действительно добровольным или всего лишь приказом, которому позволили выглядеть иначе.

— Если я откажусь, это скажется на моей работе? — спросила Ирина уже прямо. — На должности, зарплате, доступе к проекту, вашем отношении ко мне?

— Нет, — ответил Константин. На этот раз он не торопился и произнёс каждое слово отдельно, словно хотел исключить возможность двойного толкования. — Отказ ничего не изменит. Вы останетесь на своей должности и продолжите работу на прежних условиях.

— А предложение?

— Больше не повторится.

Ирина смотрела на него, пытаясь понять, верит ли. Константин обладал многими недостатками, но редко нарушал прямо данное слово. Он мог подобрать формулировку, оставить себе пространство, скрыть часть намерений, однако если произносил обещание настолько ясно, обычно выполнял его.

Это должно было успокоить. Вместо этого Ирина почувствовала странную, почти болезненную свободу: она действительно могла уйти сейчас, закрыть дверь, вернуться к чужим именам и больше никогда не обсуждать этот разговор.

Разумный человек так бы и поступил. Разумная разведённая женщина без иллюзий особенно.

И всё же где-то под оскорблением уже возникла другая мысль. Неприятная, опасная и потому особенно живая.

Константин сам признал, что ни одна случайная женщина не сможет заменить человека, который годами находился рядом. Впервые за семь лет он посмотрел на Ирину и увидел не только сотрудницу, исполнявшую поручения, а женщину, чьё знание его привычек имеет цену. Он пока собирался заплатить за это деньгами, потому что другого способа признавать ценность не знал. Но предложенная им роль открывала дверь туда, куда её никогда не приглашали: к решениям, разговорам и той части его жизни, которую Ирина всегда подготавливала для других, оставаясь снаружи.

Она могла отказаться. Могла согласиться. Могла заставить его впервые принять условия, написанные не им.

Ирина направилась к двери. Константин не остановил её, не позвал по имени и не попытался смягчить сказанное новым предложением, за что она была ему почти благодарна.

Ладонь уже легла на холодную металлическую ручку, когда Ирина остановилась. В тёмном стекле двери отражался Константин: один посреди большого кабинета, возле стола, за которым привык решать судьбы людей. Сейчас он ждал её решения и впервые не имел возможности ускорить его приказом.

Она обернулась.

— Если я соглашусь продолжить этот разговор, условия будете ставить не только вы, — произнесла Ирина, не отрывая от него взгляда. Голос звучал спокойно, но внутри уже поднималось давно забытое чувство, похожее не на надежду и тем более не на любовь, а на желание наконец занять место, которое она слишком долго готовила для других.

Константин медленно кивнул. Он ещё не знал, каких именно условий она потребует, и, возможно, впервые за весь день это незнание тревожило его сильнее, чем любые слухи о собственной репутации.

— Я понял, — ответил он.

Ирина открыла дверь и вышла в освещённый коридор. За спиной бесшумно сомкнулось стекло, отрезая кабинет вместе с его хозяином, тёмным городом и предложением, которое ещё утром показалось бы ей нелепой шуткой.

На столе секретаря лежала стопка новых карточек для следующей встречи. Чужие имена снова ждали, когда Ирина расставит их в правильном порядке.

На этот раз она прошла мимо.

Глава 2. Условия разведённой женщины

Ночью квартира казалась больше, чем днём. Днём её размеры скрывали дела: звонки, открытый ноутбук на кухонном столе, чашки, которые Лера оставляла возле раковины, хотя обещала сразу мыть, и привычный шум города за окнами. После полуночи всё лишнее исчезало, стены отступали, коридор вытягивался, а каждая вещь начинала занимать именно столько места, сколько ей отводили воспоминания.

Ирина лежала на спине и смотрела в потолок, по которому медленно скользил свет фар. Машины проезжали по мокрой улице, белые полосы поднимались от окна к люстре, на мгновение задерживались там и исчезали, словно кто-то снаружи методично проверял, спит ли она, а затем уезжал, не дождавшись ответа.

Спать она не могла. Тело устало ещё вечером, когда Ирина вернулась домой, сняла туфли у двери и несколько минут простояла босиком на прохладном полу, не решаясь пройти дальше, но голова продолжала раз за разом возвращаться в кабинет Константина. Она слышала его голос, видела тёмное отражение в стекле, вспоминала точность, с которой он перечислял её достоинства, и каждый раз эти достоинства почему-то звучали как перечень функций хорошей бытовой техники.

Спокойная. Образованная. Не стремящаяся к публичности. Способная спорить без сцен. Достаточно взрослая, чтобы не перепутать временное соглашение с настоящими чувствами.

Последняя фраза раздражала сильнее остальных. Константин произнёс её не со злобой и даже не с высокомерием, а с той деловой уверенностью, с какой люди говорят о проверенных фактах: вода течёт вниз, понедельник наступает после воскресенья, разведённая женщина в сорок четыре года больше не ждёт любви. Он не собирался оскорблять Ирину, что делало оскорбление почти совершенным. Человек, который хочет причинить боль, хотя бы признаёт существование чужой боли, а Константин просто не предусмотрел её в расчётах.

Ирина перевернулась на бок и подтянула одеяло к плечу. В комнате было тепло, батарея под окном тихо щёлкала, но пальцы оставались холодными, словно весь дневной воздух из его кабинета до сих пор держался на коже.

Сергей тоже любил говорить о её разумности. В начале брака это казалось комплиментом: Ира не устраивает глупых сцен, Ира умеет считать деньги, Ира поймёт, почему отпуск снова приходится перенести, Ира не станет требовать цветов, когда нужна новая резина для машины. Потом разумность постепенно превратилась в обязанность, такую же естественную, как ежемесячные платежи и чистые рубашки в шкафу.

Когда умерла его мать, Ирина организовала похороны, потому что Сергей не мог думать. Когда он потерял работу, она нашла ему новое место через знакомых и три месяца не говорила, что в доме заканчиваются накопления. Когда он решил открыть небольшое агентство, Ирина вечерами проверяла договоры и составляла письма клиентам, хотя на собственной работе тогда шла тяжёлая реорганизация. Сергей называл её своей опорой и целовал в висок, а она действительно чувствовала себя сильной, пока однажды не поняла: опору благодарят только до тех пор, пока она не требует поставить рядом вторую.

Она закрыла глаза. Не помогло. В темноте сразу возник Сергей в их прежней кухне, уже собравший сумку и всё ещё не решавшийся взять её с пола. Он тогда говорил тихо, будто боялся разбудить кого-то спящего, хотя Лера была у подруги, а квартира принадлежала только им двоим.

«Ты же взрослая женщина, Ира. Ты поймёшь».

Она поняла. Поняла, что он любит другую, что это продолжается почти год, что все его поздние встречи имели имя, лицо и молодые руки, не привыкшие решать чужие проблемы. Поняла даже, почему он не сказал раньше: ждал, пока любовница окончательно согласится

жить с ним, чтобы не уходить в неизвестность. Ирина поняла всё, кроме одного — почему её способность понять должна была избавить его от необходимости стыдиться.

Константин не был Сергеем. Он не обещал любви, не пользовался двадцать один год её доверием и не прятал другую женщину за словами о сложном периоде. Напротив, он предлагал такую честность, от которой хотелось проверить, не является ли ложь иногда более милой.

И всё же сходство существовало. Оба мужчины смотрели на её силу как на удобное отсутствие потребностей. Сергей считал, что Ирина справится с изменой, потому что всегда справлялась со всем остальным. Константин считал, что она способна стать временной женой, потому что не будет ждать ничего настоящего.

Ирина села на кровати. Часы на тумбочке показывали два сорок семь, а сон всё ещё находился где-то в другой квартире, вероятно, у человека, которому утром не предстояло решать, стоит ли выходить замуж за собственного начальника.

Она опустила ноги на пол и надела халат. В коридоре было темно, только под дверью Лериной комнаты лежала узкая полоска света. Дочь тоже не спала, но это не удивляло: в двадцать лет ночь редко считалась временем для сна, особенно если существовали переписки, сериалы и люди, способные внезапно прислать важное сообщение в два часа утра.

Ирина прошла на кухню, налила воду и сделала несколько глотков. На холодильнике висел магнит из Калининграда, куда они с Лерой ездили через год после развода. На фотографии возле магнита дочь стояла на берегу, ветер бил ей волосы в лицо, а Ирина держала босоножки в руке и смеялась так свободно, что сейчас почти не узнавала себя.

Тогда всё уже закончилось. Документы были подписаны, квартира продана, Сергей переехал, и впервые за много лет Ирина не должна была ни с кем согласовывать, где проведёт отпуск, сколько потратит и понравится ли другому человеку выбранный отель. Свобода оказалась дорогой, одинокой и совершенно не похожей на красивые слова, которыми её обычно описывают, но всё же принадлежала ей.

Дверь в коридоре открылась. Лера появилась на кухне в широкой футболке и клетчатых домашних штанах, с собранными на макушке волосами и телефоном в руке. Она остановилась, увидев мать, и сразу нахмурилась, потому что унаследовала от Ирины способность замечать чужое состояние и, к собственному несчастью, ещё не научилась делать вид, будто ничего не видит.

— Ты чего не спишь? — спросила Лера, прислоняясь плечом к дверному косяку. Она посмотрела на стакан, на халат, на лицо матери и добавила уже настороженнее: — Что-то случилось на работе?

— С чего ты решила, что я не просто захотела воды? — ответила Ирина и поставила стакан на стол. Она говорила спокойно, но дочь только сильнее прищурилась.

— Потому что ты пьёшь воду стоя, когда злишься, — сказала Лера, заходя на кухню. Она положила телефон экраном вниз и села напротив. — Когда тебе тревожно, ты делаешь чай. Когда грустно — открываешь холодильник и долго смотришь внутрь, хотя ничего не ешь. А сейчас ты злишься.

Ирина невольно улыбнулась. Вот оно, знание, которое невозможно выучить по заранее подготовленной справке. Лера не перепутала состояние матери не потому, что обладала особенной наблюдательностью, а потому что видела её тысячи ночей, завтраков, ссор, усталых возвращений и тихих воскресений.

— Я действительно злюсь, — призналась Ирина, садясь напротив. — Но ничего страшного не произошло.

— Ты не спишь почти до трёх, значит, произошло, — возразила дочь и подтянула к себе вторую кружку, оставленную после ужина. Она заглянула внутрь, убедилась, что кружка пуста, и отодвинула её. — Сергей опять звонил?

— Нет.

— Тогда Вольский.

Ирина подняла глаза. Лера пожала плечами, словно ответ был очевиден.

— Ты приходишь в таком состоянии только из-за двух мужчин, — объяснила она. — Один давно не имеет права тебя расстраивать, а второй пока не понял, что имеет слишком много возможностей.

— Интересная теория.

— Правильная.

Ирина провела ладонью по столу, собирая пальцами невидимые крошки. Рассказывать не хотелось. Не потому, что она стыдилась предложения Константина, хотя в нём имелось достаточно причин для стыда, а потому что, произнесённое вслух, оно станет реальным. До этого момента временный брак существовал только в кабинете на двадцать седьмом этаже и в её бессонной голове.

— Константин Андреевич предложил мне странную работу, — сказала она наконец.

— Насколько странную? — Лера подалась вперёд. — Незаконную, унижительную или просто такую, после которой нужно увольняться?

— Он предложил мне выйти за него замуж.

Несколько секунд дочь не двигалась. Потом она медленно откинулась на спинку стула и посмотрела на мать так, будто та сообщила, что решила купить цирк вместе со всеми животными.

— Что? — спросила Лера. На этот раз в её голосе не было обычной иронии, только чистое недоверие. — Ты сейчас серьёзно?

— Совершенно.

— Вольский предложил тебе выйти за него замуж?

— Временно.

Лера закрыла глаза. Она подняла ладонь, требуя паузу, словно происходящее нуждалось в том, чтобы его остановили хотя бы жестом.

— Нет, подожди, — произнесла она, снова открывая глаза. — Давай сначала. Твой начальник, который семь лет делает вид, что рядом с ним работают не люди, а очень умные приложения к календарю, внезапно решил на тебе жениться. Но временно.

— Примерно так.

— Зачем?

Ирина объяснила. Не всё, не дословно и без особенно неприятных подробностей о зрелой разведённой женщине, но достаточно, чтобы Лера поняла основную идею. Рассказ занял несколько минут, и всё это время лицо дочери менялось: недоверие уступило возмущению, затем появилось почти восхищённое изумление перед масштабом мужской самоуверенности.

— Он ненормальный, — заключила Лера, когда Ирина закончила. Она поднялась, прошла к окну и резко развернулась. — Нет, правда. Я думала, богатые мужчины хотя бы нанимают людей, которые предупреждают их, когда идея звучит как полный бред.

— Он нанял меня.

— И ты предупредила?

— Несколько раз.

— И после этого он решил, что ты идеально подходишь?

— Видимо, моё сопротивление показалось ему признаком семейной совместимости.

Лера не улыбнулась. Она стояла возле окна, скрестив руки на груди, и в стекле отражалось её молодое сердитое лицо. Рядом с ней, чуть дальше, отражалась Ирина, сидевшая за столом, и на мгновение они выглядели не матерью и дочерью, а двумя женщинами, одна из которых уже знала, как легко любовь превращается в работу, а вторая слишком боялась, что знание передаётся по наследству.

— Ты отказалась? — спросила Лера.

Ирина не ответила сразу. Этого оказалось достаточно.

— Мам, — произнесла дочь тише. Она вернулась к столу, но не села, а упёрлась ладонями в столешницу. — Ты не отказалась.

— Я сказала, что подумаю.

— Зачем?

— Потому что не хочу принимать решение из страха.

— Это не страх, это здравый смысл.

— Иногда они выглядят одинаково.

Лера выпрямилась. В её глазах появилось знакомое упрямство, которое в детстве заставляло её плакать над неправильно решённой задачей, но всё равно не позволять матери помочь.

— Он получит всё, — сказала она. — Красивую жену, которая знает, как вести себя с его партнёрами. Человека, который помнит, какой кофе ему налить и кому улыбнуться. Советника, помощницу, хозяйку, переводчика с человеческого языка на язык Вольского. А ты что получишь?

— Пока не знаю.

— Деньги?

— Наверное.

— Тебе нужны деньги?

— Деньги нужны всем.

— Не настолько.

Ирина посмотрела на дочь. Лера была права: они не бедствовали. После развода пришлось отказаться от прежней квартиры, продать загородный дом, который Сергей всё равно почти не любил, и научиться считать расходы внимательнее, но Ирина хорошо зарабатывала. Она не могла купить всё, что хотел бы человек с фантазией Константина, зато могла платить за квартиру, помогать Лере и раз в год уезжать к морю без просьб и долгов.

— Я не соглашусь только ради денег, — сказала Ирина.

— А ради чего?

Вопрос прозвучал жёстко, почти обвиняюще, но за жёсткостью находился страх. Лера помнила конец брака родителей не хуже матери, только видела его с другой стороны. Для Ирины это было предательство мужчины, которому она отдала большую часть взрослой жизни. Для дочери — разрушение единственного дома, который она считала постоянным.

— Ради возможности изменить своё положение, — ответила Ирина после паузы. — Семь лет я готовлю встречи, на которых другие люди принимают решения. Они пользуются моими наблюдениями, словами и знаниями, но за столом для меня почти никогда нет места.

— И чтобы получить место, нужно выйти за начальника?

— Нет. Если я соглашусь, я потребую, чтобы мою работу оценивали отдельно от брака.

— Все всё равно решат, что ты получила должность через постель.

Фраза прозвучала грубо. Лера сама испугалась её и сразу отвела взгляд, но Ирина не обиделась. Эта мысль уже приходила к ней, просто дочь произнесла её без смягчающих формулировок.

— Решат, — согласилась Ирина. — Люди вообще любят объяснять женский успех мужчиной. Особенно если мужчина находится рядом и обладает деньгами.

— Тогда зачем тебе это?

Ирина поднялась и подошла к окну. Дождь закончился, на стекле остались только длинные следы, город за ними казался размытым. Где-то там стояла башня «Северного контура», тёмная и почти невидимая среди других зданий, а в ней находился кабинет человека, который сейчас, вероятно, спал совершенно спокойно.

— Потому что я не хочу отказываться только из-за того, что однажды уже выбрала неправильно, — сказала она. — Если я всю оставшуюся жизнь буду сверять каждого мужчину с твоим отцом, Сергей продолжит определять мои решения, даже когда его давно нет рядом.

— Вольский не мужчина, мам. Он начальник.

— Он и то и другое.

— Тем хуже.

Ирина повернулась к дочери. Лера стояла посреди кухни босиком, сердитая, испуганная и слишком взрослая для ребёнка, которого хотелось просто обнять и пообещать, что никакой мужчина больше никогда не разрушит их жизнь.

— В первом браке всё происходило постепенно, — произнесла Ирина. — Никто не предлагал мне договор. Никто не говорил, что через двадцать один год я окажусь одна. Я просто однажды начала решать больше, чем Сергей, потом зарабатывать больше, потом думать за двоих. Условия нашей жизни менялись, но мы никогда их не обсуждали. Я даже не заметила, когда стала отвечать за всё.

— А теперь ты заранее напишешь, сколько ему можно на тебя свалить?

— Именно.

Лера фыркнула, но не перебила.

— Я хотя бы смогу назвать границы, — продолжила Ирина. — Сказать, что он не имеет права распоряжаться моим временем, тобой, моей работой или телом. Потребовать, чтобы всё было записано. И если он откажется, я уйду.

— А если согласится?

Ирина посмотрела на своё отражение в стекле. Женщина там выглядела уставшей, но не растерянной.

— Тогда я решу, стоит ли проверять, способен ли мужчина вроде Константина Вольского жить по правилам, которые установил не он.

Лера долго молчала. Потом вернулась к столу и села, поджав одну ногу под себя.

— Ты уже почти решила согласиться, — сказала она. В голосе не было вопроса, только тяжёлое понимание.

— Нет.

— Ты всегда так говоришь, когда уже начала составлять план.

Ирина хотела возразить, но не смогла. На работе её ценили именно за то, что она начала составлять план раньше, чем остальные признавали существование проблемы. Сейчас список условий уже складывался в голове: квартира, фамилия, Лера, работа, публичные прикосновения, право уйти, если Константин нарушит хотя бы одно обещание.

— Я ещё не решила, — повторила она мягче. — Но завтра поговорю с ним.

Лера опустила голову и провела пальцем по царапине на столе. Эту царапину она оставила два года назад, когда пыталась открыть коробку ножом и уверяла, что контролирует ситуацию.

— Мне он не нравится, — произнесла дочь.

— Ты видела его дважды.

— Мне хватило. Он смотрит на людей так, будто уже решил, что они скажут.

— Иногда он ошибается.

— И что делает?

Ирина вспомнила пожилого сотрудника, несправедливое обвинение и извинение, которое Константин принёс при всех.

— Если доказать, признаёт ошибку.

— Хорошее качество для мужа, — сказала Лера с мрачной иронией. — Особенно временного.

Ирина подошла к дочери и положила ладонь ей на плечо. Лера сначала напряглась, а затем всё-таки прижалась щекой к её руке.

— Ты не станешь частью этой истории, — сказала Ирина. — Что бы я ни решила, он не будет использовать тебя для фотографий, семейных встреч или красивых объяснений.

— А если ему понадобится показать, что вы настоящая семья?

— Тогда придётся найти другой способ.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Лера подняла глаза.

— И если он хоть раз попробует купить меня подарками, я верну всё прямо ему в лицо.

— Постарайся не разбить, — сказала Ирина. — Возможно, подарок окажется дорогим.

Дочь наконец улыбнулась, хотя тревога никуда не исчезла. Они посидели ещё немного, затем Лера ушла в комнату, а Ирина осталась на кухне одна. Сон всё ещё не пришёл, зато вместо бесконечного разговора в голове появился порядок.

Она достала из ящика блокнот. Обычно Ирина пользовалась электронными заметками, но важные мысли предпочитала писать рукой, потому что бумага не позволяла исправить первое слово, не оставив следа.

Вверху страницы она написала: «Условия».

Ручка остановилась. Слово выглядело сухо и деловито, но внутри него находилось всё, чего не было в её первом браке: согласие, границы, право отказаться и возможность заранее спросить, что произойдёт после конца.

Ирина начала писать.

К утру список занял четыре страницы.

Она всё же уснула примерно на час, уже под рассвет, сидя на диване с блокнотом на коленях. Разбудил будильник, который звонил в спальне и казался оттуда особенно настойчивым. Ирина поднялась с тяжёлой головой, приняла душ, выпила кофе и к восьми часам уже входила в здание «Северного контура», чувствуя себя так, будто провела ночь не дома, а на затянувшихся переговорах.

Внешне офис не изменился. Сотрудники спешили к лифтам, охранник здоровался, в кофейне на первом этаже пахло выпечкой, а на экранах показывали новости без звука. Только для Ирины всё выглядело немного иначе, потому что теперь каждый человек мог однажды узнать, что директор по протоколу стала женой владельца компании.

Она представила разговоры в курилке, взгляды, внезапную вежливость тех, кто прежде не замечал её, и снисходительность людей, которые решат, будто всё достигнуто постелью. Ощущение оказалось неприятным, но не новым. После развода знакомые тоже делились на тех, кто жалел Ирину, и тех, кто тайно радовался, что сильную женщину наконец наказали за её уверенность.

Константин приехал в обычное время. Он прошёл через холл в сопровождении помощника, коротко кивнул сотрудникам и остановился возле Ирины, которая проверяла подготовку утренней встречи.

— Доброе утро, Ирина Викторовна, — произнёс он ровно. Его взгляд задержался на её лице, заметил бессонную ночь, но Константин не стал задавать вопросов. — Вы приняли решение?

— Я подготовила условия, при которых готова продолжить обсуждение, — ответила она. Ирина подняла папку, которую держала в руке, и добавила: — Это не согласие.

— Понимаю.

Он действительно понял. Не попросил передать документы помощнику и не предложил обсудить между совещаниями.

— В десять у меня свободно сорок минут, — сказал Константин. — Вам подойдёт?

— Да.

Он кивнул и пошёл дальше. Ирина смотрела ему вслед, ожидая, что он обернётся или хотя бы замедлит шаг, но Константин не сделал ничего подобного. Он оставил решение там, где оно находилось, — в её руках.

Это раздражало меньше, чем должно было.

В десять Ирина вошла в его кабинет с тонкой серой папкой. Сегодня Константин сидел за столом в пиджаке, перед ним лежал ежедневник, рядом стояла чашка чёрного кофе. На краю стола Ирина заметила распечатку вчерашнего списка кандидаток, но фотографии были перевернуты лицом вниз.

— Присаживайтесь, — сказал он и закрыл ежедневник. Константин посмотрел на папку, затем на Ирину. — Хотите, чтобы присутствовал юрист?

— Пока нет. Сначала я хочу понять, способны ли вы услышать условия без человека, который сразу начнёт объяснять, почему они неудобны.

— Хорошо.

Ирина села и положила папку перед собой, не передавая её Константину. Он заметил это движение, но не потянулся за документами.

— Начнём с того, что вы обещали вчера, — произнесла она. — Отказ не повлияет на мою работу.

— Не повлияет.

— Мне нужно письменное подтверждение.

Константин едва заметно нахмурился. Не потому, что собирался нарушить слово, а потому, что привык считать собственное обещание достаточным.

— Вы мне не верите? — спросил он.

— Верю ровно настолько, насколько следует верить человеку, который является моим работодателем и одновременно предлагает брак, — ответила Ирина. — Если через месяц ваше отношение изменится, вы можете даже не заметить этого. Мне нужен документ не только против намеренной мести. Он нужен против вашего раздражения, разочарования и человеческой способности убеждать себя, что решение принято исключительно ради компании.

Константин несколько секунд смотрел на неё. Потом нажал кнопку внутренней связи.

— Ольга, принесите, пожалуйста, два листа с фирменным заголовком, — сказал он секретарю. Его голос оставался спокойным. — И оставьте их у двери.

Он отключил связь и открыл пустой документ на компьютере.

— Диктуйте, — произнёс Константин.

Ирина не ожидала такой быстроты. Она приготовилась спорить, объяснять и напоминать, что сила устного обещания исчезает вместе с изменившимися обстоятельствами, но он просто согласился.

— Я могу подготовить текст сама, — сказала она.

— Вы хотите подтверждение сейчас. Получите сейчас.

Он печатал быстро. Ирина диктовала: её отказ от участия в предложенной личной договорённости не повлияет на должность, зарплату, круг обязанностей, оценку работы и участие в текущих проектах. Константин не перебивал и не пытался смягчить формулировки.

Когда секретарь оставила бумагу за дверью, он сам забрал листы, распечатал текст и подписал оба экземпляра. Один положил перед Ириной.

— Достаточно? — спросил он.

Она прочитала документ. Подпись была чёткой, тяжёлой и немного наклонённой вправо.

— Для начала.

— Продолжайте.

Ирина открыла папку.

— Срок договорённости должен быть ограничен, — сказала она. — Не расплывчатое «до завершения переговоров», потому что переговоры могут продлиться год. Нужна конкретная дата, после которой обязательства заканчиваются или пересматриваются только по взаимному согласию.

— Три месяца после регистрации, — предложил Константин.

— Недостаточно. Подготовка, помолвка, регистрация и сами встречи займут больше.

— Тогда четыре.

— Я предлагаю три месяца публичной роли после регистрации и не больше шести недель до неё. Если сроки сдвигаются, мы отдельно обсуждаем продолжение.

Константин коротко кивнул.

— Приемлемо.

Ирина сделала пометку.

— Я сохраняю фамилию.

— Не вижу проблемы.

— Квартиру.

— Разумеется.

— Собственные деньги и счета. Никаких общих накоплений, покупок или имущества, которое потом придётся делить.

— Согласен.

Он отвечал слишком легко, и Ирина почувствовала раздражение. Возможно, часть её ожидала сопротивления, чтобы получить более простую причину отказаться.

— Я не переезжаю к вам постоянно, — продолжила она. — На отдельных мероприятиях нам, возможно, придётся находиться в одном доме или номере, но моя квартира остаётся основным местом проживания.

— Если журналисты увидят, что моя жена каждую ночь уезжает в другую часть города, возникнут вопросы.

— Тогда иногда вы будете ночевать у меня.

Константин впервые заметно удивился.

— В вашей квартире?

— Вас пугает её площадь?

— Нет.

— Отсутствие персонала?

— Тоже нет.

— Тогда мы нашли решение.

Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на неё внимательнее.

— Вы действительно намерены оставить всё как есть?

— Именно. Я не собираюсь переселяться в вашу жизнь целиком, чтобы через несколько месяцев выехать из неё с чемоданом.

— Это разумно.

Ирина подняла глаза от заметок.

— Слово «разумно» начинает звучать как угроза.

Константин чуть сжал губы, но продолжил слушать.

— Вы не распоряжаетесь моей внешностью, — сказала она. — Не выбираете одежду, цвет волос, вес, украшения и степень открытости платья. Пресс-служба может предложить варианты, но окончательное решение принимаю я.

— Если выбранная вами одежда будет противоречить формату мероприятия?

— Я семь лет определяю формат ваших мероприятий. Думаю, справлюсь с платьем.

— Хорошо.

— Леру нельзя включать в публичную историю.

На этот раз Константин не ответил сразу.

— Ракитины могут спросить о вашей дочери, — заметил он.

— Тогда мы скажем правду: Лера взрослая и не обязана участвовать в жизни матери по указанию её временного мужа. Никаких общих фотографий, приглашений ради семейного образа и подарков без её согласия.

— Я не собирался использовать вашу дочь.

— Вы не собирались использовать и меня, пока не понадобится жена.

Константин принял удар без внешней реакции. Только пальцы, лежавшие на столе, медленно разомкнулись.

— Лера не участвует, — сказал он. — Это будет записано отдельно.

Ирина кивнула. После ночного разговора именно этот пункт имел для неё наибольшее значение.

— Прикосновения перед публикой должны быть заранее согласованы, — продолжила она. — Рука, объятие, поцелуй — всё, что выходит за рамки обычной вежливости.

— Мы не сможем каждый раз обсуждать движение руки, — возразил Константин. — Естественность исчезнет.

— Естественности изначально нет.

— Мы должны её показать.

— Тогда придётся научиться спрашивать так, чтобы окружающие не замечали.

— Каким образом?

— Придумаем условный жест или слово. Вы умеете вести переговоры, Константин Андреевич. Неужели согласие женщины сложнее банковского договора?

Он посмотрел на неё прямо.

— Иногда сложнее.

Ответ прозвучал неожиданно серьёзно. Ирина не отвела взгляд, хотя на мгновение почувствовала, как тепло поднялось к шее.

— Вне публичных мероприятий вы не имеете прав на моё время и тело, — произнесла она. — Брак не означает автоматического согласия на близость. Ни настоящую, ни изображаемую.

— Я это понимаю.

— Хорошо, что понимаете. Ещё лучше будет записать.

— Запишем.

Ирина перевернула страницу.

— Теперь работа. Я получаю временный доступ к обсуждениям с Ракитиными.

Константин нахмурился.

— Вам и так доступны материалы, необходимые для подготовки встреч.

— Мне доступны расписание, состав участников, темы и публичные тезисы. Я не знаю, что именно вы предлагаете, где готовы уступить и чего боятся Ракитины.

— Финансовые и стратегические решения не относятся к вашим обязанностям.

— Тогда найдите другую жену.

В кабинете стало тихо. Константин положил ладонь на стол и медленно постучал указательным пальцем по дереву.

— Объясните, — попросил он.

— Вы хотите, чтобы я изображала человека, которому доверяете, — сказала Ирина. — Семейный ужин не будет состоять из разговоров о погоде и рецептах. Галина Сергеевна задаст вопросы о ваших планах, ценностях, причинах решений. Если я ничего не знаю, то либо солгу, либо посмотрю на вас в ожидании ответа. Оба варианта раскроют нас быстрее любой фотографии.

— Вам не требуется видеть все документы.

— Мне требуется понимать суть. Что вы собираетесь сохранить, что изменить, почему Ракитины сомневаются и какие обещания вы действительно можете выполнить.

— Это серьёзный доступ.

— И серьёзная роль.

Константин поднялся и прошёл к окну. Ирина наблюдала, как он остановился возле стекла, заложив руки за спину. Этот жест появлялся всякий раз, когда ему приходилось выбирать между привычным контролем и очевидной необходимостью.

— Вы хотите участвовать в переговорах? — спросил он, не оборачиваясь.

— Я хочу иметь право говорить, если разговор касается того, что я понимаю лучше вас.

Он повернулся.

— Чего именно?

— Людей.

В его лице мелькнуло раздражение.

— Вы считаете, что я не понимаю людей?

— Вы понимаете их интересы. Я понимаю, что они чувствуют, когда вы объясняете им их же интересы.

Константин медленно вернулся к столу.

— Временный доступ, — произнёс он. — В пределах проекта. Без права передавать информацию третьим лицам.

— Согласна.

— Ваше участие в обсуждениях не означает право принимать решения.

— Мне нужно право возражать.

— Вы и без него возражаете.

— Тогда запишем то, что уже существует.

Уголок его рта дрогнул, но улыбки не появилось.

— Хорошо.

Ирина сделала ещё одну пометку. Следующий пункт был сложнее.

— Моя работа в проекте должна быть оценена независимо от вас.

Константин сразу напрягся.

— Кем?

— Представителями обеих компаний или комиссией, в которую не войдёте лично вы.

— Я руководитель «Северного контура». Кадровые решения принимаю я.

— Именно поэтому ваша оценка после брака ничего не будет стоить.

— Вы предполагаете, что я стану завышать результаты?

— Неважно, что станете делать вы. Все остальные решат, что должность мне подарил муж.

— Я ничего не обещал вам в качестве должности.

— И не должны. Если моя работа окажется недостаточной, я вернусь к прежним обязанностям. Если окажется полезной, хочу получить возможность претендовать на постоянное место на тех же основаниях, что любой другой кандидат.

Константин нахмурился сильнее.

— Участие Ракитиных в оценке сотрудника моей компании создаст лишнюю зависимость.

— Тогда найдите другой способ. Внешнего консультанта, наблюдательный совет, нескольких руководителей. Мне важно не название комиссии, а то, чтобы вы не могли однажды сказать: «Я дал тебе эту должность».

Он резко поднял взгляд.

— Я бы так не сказал.

— Сергей тоже много чего не собирался говорить, пока ему не понадобилось объяснить, почему он уходит.

Имя бывшего мужа действовало неожиданно. Константин откинулся назад, взгляд стал холоднее, но Ирина уже не могла забрать сказанное.

— Я не ваш бывший муж, — произнёс он.

— Именно поэтому у вас есть возможность поступить иначе.

— Вы сравниваете меня с человеком, который вам изменил.

— Нет. Я сравниваю способы, которыми мужчины присваивают себе женский вклад. Один называл меня своей опорой, а после развода объяснял общий успех собственными способностями. Вы пока называете меня незаменимым сотрудником, но решение о моей ценности оставляете только за собой.

Константин молчал. Ирина видела, что он злится, и впервые эта злость не пугала её. Она была честнее вчерашней рассудительности, потому что означала: он услышал.

— Постоянная должность, подаренная мужем, уничтожит мою репутацию, — продолжила она уже спокойнее. — Я не хочу карьеру в качестве оплаты за брак. Мне нужна возможность доказать, что я заслужила её независимо от вас.

Он медленно провёл ладонью по столу.

— Независимая оценка результатов, — произнёс Константин, словно проверяя формулировку на прочность. — Без заранее гарантированного повышения.

— Именно.

— И вы согласитесь с решением, даже если оно окажется отрицательным?

— Если оценка будет честной.

Константин кивнул.

— Это справедливо.

Признание прозвучало просто, без снисходительности. Ирина почувствовала, как напряжение в плечах немного ослабло. Она ожидала, что именно на этом пункте разговор закончится, но Константин согласился не потому, что хотел скорее получить её подпись, а потому что действительно понял логику.

Оставалось несколько условий.

— Если у одного из нас появятся настоящие чувства, об этом нужно сказать прямо, — произнесла Ирина.

Константин посмотрел на неё так, будто до этого момента разговор был сложным, но хотя бы разумным.

— Зачем включать это в соглашение? — спросил он.

— Потому что люди особенно часто лгут там, где заранее договорились ничего не чувствовать.

— Чувства невозможно регулировать договором.

— Признание регулируется.

— И что произойдёт после признания?

— Ничего автоматически. Второй человек не обязан отвечать взаимностью. Но он должен знать, что правила изменились.

Константин задумался. Ирина наблюдала за ним и пыталась понять, действительно ли он считает этот пункт излишним или сама возможность назвать чувство вслух кажется ему опаснее всех имущественных условий.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Обязанность сообщить. Без обязательства отвечать.

— Да.

— Следующее?

— В случае разоблачения вы не сможете представить ситуацию так, будто я сама навязала вам эту идею.

— Я не собираюсь.

— Вчера вы тоже не собирались жениться на мне, пока не поняли, что это удобно.

Константин едва заметно поморщился.

— Формулируйте.

— Если информация станет публичной, вы подтверждаете, что предложение исходило от вас. Не обвиняете меня в манипуляции, не увольняете, не называете участие личной инициативой сотрудницы и не отказываетесь от профессиональных решений, принятых с моим участием, только ради защиты собственной репутации.

— Если ваши решения окажутся ошибочными?

— Тогда вы критикуете решения. Не женщину, которая согласилась стать вашей женой.

Он кивнул.

— Принимается.

Ирина закрыла папку. Разговор занял больше часа, хотя первоначально Константин выделил сорок минут. За стеклом несколько раз проходил помощник, секретарь присылала сообщения, телефон на столе мигал без звука, но Константин ни разу не прервался.

— Это всё? — спросил он.

— Основное. Юристы добавляют технические детали.

— Вознаграждение вы не указали.

— Намеренно.

— Почему?

Ирина положила ладони на закрытую папку.

— Потому что сначала хотела понять, согласитесь ли вы на условия, которые не покупаются деньгами.

— А теперь?

— Теперь можете предложить сумму.

Константин назвал её. Ирина не изменилась в лице, но внутри что-то неприятно сжалось. За три месяца она получила бы столько, сколько обычно зарабатывала почти за два года. Сумма позволяла закрыть остаток кредита, оплатить Лере обучение, создать запас и наконец перестать откладывать ремонт в квартире.

Деньги были настоящими. Именно поэтому ими легко было оправдать почти всё.

— Вы ожидали больше? — спросил Константин, заметив паузу.

— Нет.

— Меньше?

— Я ожидала, что вы назовёте сумму, от которой человеку трудно отказаться.

— В этом смысл предложения.

— Для вас.

Он нахмурился.

— Вы считаете оплату оскорбительной?

— Нет. Опасной.

— Деньги не заставляют вас соглашаться.

— Но позволяют потом убеждать себя, что я согласилась только ради них.

Константин посмотрел на неё внимательно.

— А ради чего вы можете согласиться ещё?

Вопрос прозвучал тише предыдущих. Ирина почувствовала, что он действительно хочет знать ответ, но пока не готов услышать его полностью.

— Ради возможности перестать быть человеком за дверью, — сказала она. — Ради права проверить, что произойдёт, если я не стану удобной. Ради того, чтобы однажды получить место не потому, что вы мне его подарили, а потому что без меня за столом стало хуже.

Константин опустил взгляд на её папку.

- Вы уже решили?
- Нет.
- Что ещё вам требуется?
- Несколько дней.
- Он поднял глаза.
- Сколько?
- Три.
- До пятницы.
- Да.

Константин кивнул. Ирина ожидала вопросов, попытки ускорить решение, напоминания о сроках и Ракитиных, но он просто закрыл лежавший перед ним ежедневник.

— Хорошо, — сказал он. — До пятницы эта тема больше не поднимается. Вы можете отказаться без объяснений.

Свобода снова оказалась неожиданной. Ирина почувствовала её почти физически, как открытое окно в душевной комнате.

- И вы не попросите подготовить новых кандидатов? — спросила она.
- До вашего решения — нет.
- Почему?
- Потому что это выглядело бы как давление.

Ответ был настолько правильным, что Ирина не сразу нашлась с реакцией. Константин вчера оскорбил её почти случайно, сегодня спорил за собственную власть, но теперь остановился именно там, где мог бы воспользоваться зависимостью.

- Спасибо, — сказала она.
- Не благодарите за нормальное поведение.
- Не беспокойтесь, я не привыкну.

В его глазах мелькнула короткая улыбка. Она исчезла почти сразу, но Ирина успела заметить и неожиданно для себя подумала, что Константин выглядит моложе, когда перестаёт контролировать лицо.

Она собрала документы, но не поднялась сразу. Оставался разговор, который он сам ещё не начал.

— Вчера вы сказали, что выбрали меня, потому что я взрослая, разведённая и не стану питать иллюзий, — напомнила Ирина.

Константин напрягся. Он медленно положил ручку на стол, словно понимал: этот пункт нельзя передать юристам.

- Я неудачно выразился, — сказал он.
- Очень.
- Я не считаю вас неспособной к чувствам.
- Уже лучше.

— Я имел в виду, что вы умеете отличать желания от реальности и не станете строить ожидания там, где условия известны заранее.

Ирина смотрела на него молча. Константин понял, что снова идёт по той же дороге, и остановился.

- Это опять звучит неправильно, — признал он.
- Потому что вы пытаетесь извиниться за одну мысль, сохраняя её смысл.
- Какой смысл вы слышали?
- Что чувства являются признаком недостатка разума.

- Константин задумался.
- Я так не считаю.

— Тогда почему уверены, что разумная женщина не может влюбиться в условиях, которые ей невыгодны?

Он отвёл взгляд к окну. За стеклом был обычный рабочий день: машины, серое небо, люди в соседнем здании. Ответ, вероятно, находился не там, но Константину требовалось куда-то смотреть, пока он его искал.

— Потому что сам бы не позволил себе этого, — произнёс он наконец.

Ирина не ожидала такой честности.

— Чувства не спрашивают разрешения, — сказала она.

— Именно поэтому их лучше не поощрять.

— Вы снова говорите о них как о плохо обученном сотруднике.

— Я говорю о риске.

— Для кого?

Константин повернулся к ней.

— Для обоих.

Ирина медленно кивнула. Впервые за два дня он перестал изображать человека, который полностью контролирует последствия. Под деловым предложением находился не только расчёт, но и страх: Константин хотел женщину, которая не влюбится, потому что сам не желал оказаться рядом с чужим ожиданием и собственной обязанностью ответить.

— Чувства и разум не противоречат друг другу, — сказала она. — Можно понимать, что отношения опасны, и всё равно чувствовать. Можно знать, что человек уйдёт, и всё равно надеяться. Разум помогает принимать решения, но не исключает сердце.

Он долго смотрел на неё.

— Вы говорите из опыта?

— Все люди моего возраста говорят из опыта, — ответила Ирина. — Именно это вы вчера и хотели купить.

Константин опустил голову. Потом снова поднял взгляд.

— Простите меня, — произнёс он. В голосе не было привычной твёрдости, но и красивой мягкости тоже не появилось. — Я использовал ваш развод как доказательство того, что вы будете удобным и безопасным партнёром. Это было неправильно.

Ирина почувствовала, как что-то внутри ослабло. Не исчезло, не простило его окончательно, но перестало давить с прежней силой.

— Да, — сказала она. — Было.

Константин едва заметно кивнул, принимая отсутствие немедленного великодушия.

— Я не могу обещать, что в будущем буду выражаться без ошибок, — добавил он.

— Это было бы первым очевидным обманом в нашем соглашении.

— Но могу обещать, что выслушаю, когда вы на них укажете.

— Запишем отдельным пунктом?

— Боюсь, юристы не поймут формулировку.

— Тогда придётся выполнить на словах.

Ирина поднялась. Константин тоже встал, но не вышел из-за стола и не попытался проводить её, сохраняя расстояние, которое она выбрала сама.

— В пятницу, — напомнил он.

— В пятницу.

Она вышла из кабинета с двумя экземплярами подтверждения, четырьмя страницами условий и странным ощущением, что переговоры прошли не так, как ожидали оба. Константин не купил её согласие, потому что согласия всё ещё не было. Ирина не получила власть над ним, но впервые заставила человека, привыкшего устанавливать правила, подписать чужие.

Следующие три дня оказались тяжелее первого разговора. Константин сдержал слово: не вызывал Ирину без необходимости, не возвращался к предложению, не передавал новые

документы и не спрашивал о решении даже взглядом. На совещаниях он обращался к ней как обычно, требовал исправлений, спорил и один раз раздражённо вернул проект письма, потому что формулировка показалась ему слишком мягкой.

Ирина ожидала, что после разговора каждое их столкновение станет неловким, но работа продолжалась. Это успокаивало и одновременно заставляло думать: он действительно способен отделить её решение от профессионального отношения.

Лера каждый вечер задавала один и тот же вопрос разными словами. Во вторник спросила, отказалась ли мать. В среду — не появилась ли у Вольского новая кандидатка. В четверг просто поставила перед Ириной чай и села напротив, не произнося ничего.

— Я ещё думаю, — сказала Ирина.

— Ты не думаешь, — ответила дочь. — Ты проверяешь, страшно ли тебе.

— И что?

— Тебе страшно. Но не настолько, чтобы отказаться.

Ирина посмотрела на чай. Лера приготовила его именно таким, какой она любила: крепким, без сахара, с тонким ломтиком лимона.

— Я боюсь повторить прежнюю жизнь, — призналась она. — Но ещё больше боюсь однажды понять, что отказалась от собственной возможности только потому, что Сергей научил меня не доверять мужчинам.

— Вольский не обязан исправлять то, что сделал Сергей.

— И не будет. Это моя работа.

Лера вздохнула.

— Ты всегда всё превращаешь в работу.

— Возможно.

— И это как раз то, чем он собирается воспользоваться.

Ирина не стала спорить. Дочь видела опасность правильно, но не видела другого: впервые работа могла стать не способом обслуживать чужую жизнь, а инструментом защиты собственной.

В пятницу утром Ирина проснулась до будильника. За окном ещё не рассвело, квартира была тихой, Лера спала. На стуле возле кровати лежала серая папка, а внутри — перепечатанные условия с исправлениями Константина и заключением юриста.

Он отправил их накануне вечером, не добавив ни слова. Все основные пункты сохранились.

Ирина оделась особенно тщательно, хотя сама запретила Константину распоряжаться её внешностью. Выбрала тёмное платье до колен, жакет, небольшие серьги и туфли, в которых могла пройти весь день без желания кого-нибудь убить. Волосы собрала ниже обычного и несколько секунд смотрела на себя в зеркало.

Никакой невесты там не было. Только женщина сорока четырёх лет, которая однажды уже пообещала жить с мужчиной до конца и теперь собиралась заключить брак с заранее определённым сроком.

Разница казалась огромной. Возможно, именно поэтому в ней таилась опасность.

На кухне Лера уже сидела за столом, хотя обычно в такую рань не вставала. Перед ней стояли две чашки кофе.

— Ты решила, — сказала она.

— Да.

— согласишься?

Ирина села напротив.

— Соглашусь продолжить.

— Это то же самое.

— Нет. Продолжить — значит оставить себе право остановиться, если он нарушит условия до регистрации.

Лера поджала губы.

— Ты его защищаешь.

— Я защищаю точность формулировок.

— Это ещё хуже.

Ирина взяла чашку. Кофе оказался слишком крепким, но она выпила.

— Я не прошу тебя радоваться, — сказала она. — Только доверять, что я не исчезну в его жизни.

— Ты уже исчезала в жизни мужчины.

— Поэтому теперь знаю, как это начинается.

Лера опустила взгляд. Потом встала, обошла стол и обняла мать со спины. Её руки сжались на плечах Ирины крепко, почти сердито.

— Я всё равно против, — прошептала она. — И если он сделает тебе больно, мне будет плевать, сколько у него денег и охраны.

— Что ты сделаешь?

— Напишу очень плохой отзыв о компании.

Ирина рассмеялась и накрыла руки дочери своими.

— Этого он точно не переживёт.

В офис она приехала раньше Константина. Поднялась на свой этаж, включила свет в кабинете и положила подписанные условия на стол. До начала рабочего дня оставалось почти сорок минут, но Ирина не стала заниматься почтой. Она сидела и смотрела на собственную подпись, поставленную внизу страницы.

Подпись ещё не означала брака. Не означала даже окончательного соглашения, пока документы не проверены и не назначены даты. Но она означала решение войти в разговор не как сотрудница, которую позвали выполнить задачу, а как равная сторона.

В восемь десять секретарь сообщила, что Константин приехал.

Ирина подождала пять минут. Не потому, что хотела заставить его нервничать, а потому что впервые не собиралась являться раньше, чем сама считала нужным.

Она взяла папку и пошла к его кабинету.

Константин стоял возле стола, снимая пальто. Увидев Ирину, он передал одежду помощнику, закрыл дверь и повернулся к ней. На его лице не было вопроса, но напряжение в плечах выдавало, что он ждал именно этого визита.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе.

Ирина подошла к столу и положила папку перед ним. Константин не открыл её сразу, сначала посмотрел на Ирину.

— Вы приняли решение? — спросил он.

— Да.

Она раскрыла папку. На последней странице стояли две подписи: её и независимого юриста, подтвердившего, что основные условия могут быть оформлены законно.

— Я согласна, — произнесла Ирина. Она не отвела взгляда и добавила прежде, чем Константин успел ответить: — Но не потому, что вы предложили хорошую цену. Я хочу проверить, способны ли вы выполнять договор, который написали не сами.

Он медленно опустил глаза на документы. Пальцы коснулись страницы, но Константин не стал сразу переворачивать её, словно понимал, что настоящие условия находились не только в тексте.

— Это проверка? — спросил он.

— Для нас обоих.

— И что будете проверять вы?

Ирина улыбнулась, хотя внутри всё оставалось напряжённым.

— Способна ли я войти в отношения, не становясь удобной.

Константин поднял взгляд.

— А я?

— Способны ли вы остаться рядом с женщиной, которой нельзя приказывать.

В кабинете повисла тишина. За дверью начинался обычный рабочий день: сотрудники включали компьютеры, секретарь отвечала на звонки, где-то звякнула чашка. Мир ещё не знал, что только что изменилось, и потому продолжал вести себя спокойно.

Константин взял ручку.

— Тогда начнём, — сказал он, раскрывая документы. Его голос звучал привычно твёрдо, но теперь эта твёрдость больше не принадлежала ему одному.

Ирина села напротив. На этот раз кресло не показалось ей ниже.

Глава 3. Невеста собственного начальника

Заявление на регистрацию брака они подали во вторник, в половине девятого утра, когда город ещё не успел окончательно проснуться, а люди в коридорах районного отдела ЗАГСа выглядели так, словно собственные решения подняли их с постели слишком рано. Кто-то держал папку с документами, кто-то нервно перечитывал сообщения в телефоне, молодая женщина у окна поправляла белую ленту на коробке с кольцами, хотя до церемонии ей оставалось, судя по всему, несколько недель. Пахло мокрыми куртками, бумагой и дешёвым кофе из автомата, который гудел в дальнем углу с важностью учреждения, способного выдавать не напитки, а разрешения на новую жизнь.

Ирина пришла первой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.